

3/5 (2 голосов)

Творчество

Я с морем бываю в разлуке недолгой

О, край родной

О, свет берёз! Раздолье луга,
И колокольчик под дугой.
К тебе с разлуки, словно к другу,
Спешу я, край мой дорогой.
На взгорье выцветшая школа,
Оглохших классов тишина.
Касаясь клавиш частокола,
О чём-то думает луна.
Щемящий скрип косою калитки:
Там юности метнулась тень,
Иль от крылечка ветер прыткий
Бесшумно скрылся за плетень?
Изведав радости и боли
Солёных голубых дорог,
Я счастлив слушать песни поля,
Шмыгнув на зорьке за порог.
И любоваться, как для взлёта
Готовят крылышки шмели,
И ощущать вдали от флота
Всем телом теплоту земли.

Этот день

Дед одиноко в доме жил.
В деревне – первый старожил,
ко мне был матери добрее.
А в праздник грел его ладонь
медалей боевых огонь,
и флаг вдали незримо реял.
Мальчишка, что тогда я знал?
Липучкой к деду приставал
и тормозил за брюки деда,
любясь солнечной игрой
наград. «Ты, дедушка, герой!
А что такое День Победы?»
Он улыбался широко
и поднимал меня легко,
и прижимал к груди могучей.
Я слушал гулкий сердца стук –
неутомимой жизни звук,
а он шептал мне: «Внучек, внучек...»
Слезились старые глаза.
Скрипела жалобно кирза,
когда дед тихо шёл к буфету:
хранил он бережно альбом.
Солдат, окопы, взрывы бомб –
мы подносили ближе к свету.
Среди безоблачного дня
смотрели немо на меня
войны Отечественной беды.
На мой вопрос дал дед ответ:
«Их нет в живых... и этих нет...
Вот что такое – День Победы».

Осень

Жужжала жалобно, дрожала
пчела, цепляясь за цветки,
в желанье жгучем, жадным жалом
цветков листала лепестки.
Берёзы зябли, платья сбросив,
по-лисьи листья мчались вдаль,
и со стволов янтарных сосен
стекала светлая печаль.

Блага службы

Я с морем бываю в разлуке недолгой,
А радость от встречи – горячей волной.
Душа замирает, когда я с восторгом
Любуюсь простора живой сединой.
От гибели верной брони миллиметры,
Расплавленный солнышком вала свинец.
Зубами приросшие к палубе ветры,
Да благо служебное – звёздный венец.
Да грузом погоны с железной звездой,
Улыбка любимой в луче золотом, –
Служу между небом и горькой водою
Стране, осенённый небесным крестом!

Шторм

В кают-компании покой опять.
Дрожат от качки бледные плафоны,
и потемневший череп телефона
за номером учётным двадцать пять –
молчит. Иллюминаторы задраены
и штормами завешаны, как травами.
Лоснятся спины гладкие столов
под коридорной лампы мутным взглядом.
У шкафчика белеют рафинадом
три скатерти, напоминая кров
родимый в океане экипажу.
Врезаясь в пенную тугую пряжу,
гудит от напряжения металл
широкой палубы на зычных волнах.
Нептун – пастух бессонный ветров вольных –
здесь правит свой девятибалльный бал.
В душе презрев и тошноту, и стужу,
откроешь люк, чтоб выглянуть наружу –
солёных ветров звёздная пора.
Сшибаясь лбами белыми безумно,

валы несутся по спардекам шумно
и, словно струны, плачут леера.

Родины покой

Любимая! Не виновата
ты в том, что грустью я томим
по ласковым глазам твоим,
в лучах сиреневых заката
один у рощи сиротливой
брожу тропинкою рябой.
Угрюмо кашляет прибор
седыми бронхами залива.
И мой корабль на внешнем рейде
антенны тянет к облакам,
и голос чайки к морякам:
«Озябла! Люди, обогрейте!»
Ты нынче так же одинока,
и я с тобою быть мечтал,
но снова боевой сигнал
меня в поход позвал до срока.
Служу я Родине родимой!
Её покой и твой покой
в моей профессии морской –
пока живу – неразделимы.

До встречи

Идём у каймы залива,
песком золотым шурша.
– Не будь ты такой красивой,
моя не болела б душа.

– Ну полно, мой милый, полно,
я очень тебя люблю!
Не думай, что так легко мне
тебя отдать кораблю.

– Звезда надо мной такая,
что в море меня зовёт...
Тревоге моей внимая,
закат на тебя плывёт.

А волны алеют маком,
и вновь загрустил причал.
Земля отпускает якорь,
я слышу твоё: «Прощай!»

Я вижу тебя бегущей
к скале, где гремит прибой.
И голос твой тише, глуше:
– До встречи, моя любовь!